Анна Черри Марьяна Гросс

Притворись моей, ПЫШКА!

Анна Черри

Притворись моей, Пышка!

«Автор»
2026

Черри А.

Притворись моей, Пышка! / А. Черри — «Автор», 2026

— Мы должны расстаться, Ника, — ледяные слова ударили хлыстом.— Что? О чём ты? — я в неверии смотрела на своего жениха, с которым у нас осенью свадьба.— Я ухожу от тебя! — повысив голос, повторил Владимир. — Давай только без истерик, ладно?— Без истерик, — эхом повторила я, всё ещё не веря в происходящее. — Уходишь— Да, ухожу. К Светлане. Она моложе и намного стройнее тебя. А ты совсем коровой стала!***Собрав себя по кусочкам, после предательства жениха, я решила, что пора бы и для себя пожить. Отправилась в тренажёрку, где моим тренером оказался бывший одноклассник. И ирония в том, что этого накачанного красавчика мне пришлось спасать, притворяясь его девушкой.А после на моей работе объявили корпоратив на базе отдыха. Где будет жених-предатель и та самая бухгалтерша, к которой он ушёл.Ну что, одноклассничек, пора должок отдавать и теперь тебе притворяться моим парнем!Вот только я даже не представляла, к чему это приведёт!*Бывшие одноклассники*Юмор, добрая история про любовь

© Черри А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Анна Черри
Притворись моей, Пышка!

Глава 1

— Нам нужно расстаться, Ника, — ледяные слова ударили хлыстом. Каждый звук впечатался в сознание с беспощадной, звенящей чёткостью, словно кто-то гвоздями прибивал мою реальность к холодной стене.

— Что? О чём ты? — я в неверии смотрела на своего жениха, с которым у нас уже этой осенью должна была быть свадьба.

Воздух в лёгких словно затвердел, превратившись в острые кристаллы. Каждый вдох царапал изнутри, и на мгновение мне показалось, что я разучилась дышать. Сердце пропустило удар, затем другой, а потом забилось где-то в горле, мешая говорить.

Что за идиотская шутка? Вот сейчас вообще не до этого.

Я даже попыталась выдавить из себя смешок, но по лицу Владимира я поняла, что он не шутит.

Нет, в его глазах был холод, отстранённость, и он, буквально сегодня с утра казавшийся таким родным, теперь был чужим.

— Я ухожу от тебя! — повысив голос, повторил Владимир, и звук его слов резанул по ушам. Я почувствовала, как ноги стали ватными, непослушными, пол ушел из-под ступней, отчего я едва не рухнула, схватившись побелевшими пальцами за край столешницы. — Ухожу! И давай только без истерик, ладно? Не надо мне мозг выносить.

— Без истерик… — пустым и безжизненным эхом повторила я, всё ещё не веря в происходящее. Слова будто пробирались ко мне через толщу воды. — Уходишь…

Бред… Это какой-то бред.

Не может же вот так резко, в одну секунду, перевернуться жизнь? Не может же человек, который всего через несколько месяцев собирался на тебе жениться, который вместе с тобой выбирал имена для будущих детей и планировал, куда вы поедете в свадебное путешествие, вот так раз и бросить?

Ну не может же?

Так не бывает…

Или… Я зажмурилась на секунду, и перед глазами пронеслись обрывки последних недель. Его поздние возвращения, усталость, которая казалась наигранной, раздражение на любую мелочь. Мне ведь не казалось, что в последнее время он стал другим. Вечно уставшим, недовольным, скользящим по мне пустым взглядом…

И похоже, дело было не в изматывающей работе. Совершенно не в ней.

— Да, ухожу, — надменно ответил Вова, бросив на меня странный взгляд. — К Светлане. Она моложе и намного стройнее тебя. А ты совсем как корова стала!

«Корова» — болью в сердце отдалось страшное слово, впилось под ребра, выбивая дух.

Боже… Он правда это сказал? Он так меня назвал?

Меня?

Боль, отчаяние и чувство чего-то мерзкого, грязного захлестнули с невероятной силой, подкатили к горлу тошнотворным комом.

Я ведь… Я не была коровой! Да, я всегда была с формами, всегда в теле, но не… коровой.

Мы ведь когда познакомились, я уже такой была! Он сам говорил, что ему нравятся «настоящие женщины, а не вешалки».

Значит, раньше я была «Моя сладкая булочка», а теперь стала «Коровой»?

Не-е-е-т. Так просто и резко не бывает!

И тут наконец-то до моего воспалённого, гудящего от шока сознания дошли его последние слова: «Да, ухожу. К Светлане».

К Светлане…

Вот в чём причина!

— К Светлане, говоришь? — мой голос упал до шепота. Я чувствовала, как разбитое, кровоточащее сердце стремительно обрастает льдом, а душу начинает переполнять жгучая, почти неуправляемая ярость. — Не к нашей ли, случайно, бухгалтерше?

— Да, к ней, — он даже не потрудился скрыть раздражения, отмахнулся от моего вопроса, как от надоедливой мухи. — Да и вообще какая разница?! К ней или нет. Ты мои вещи собери, я завтра их заберу.

— Вещи, говоришь, собрать? — я растянула губы в такой доброй улыбочке, от которой мыши дохнут, увидев кота в темноте сарая.

Но вот Володечка не видел. Он с энтузиазмом осматривал кухню на наличие своих вещей, полагаю. Которых здесь отродясь, конечно же, не было. Но ему, видимо, так не казалось.

Пелена с глаз слетела в одно мгновение, обнажив картину во всей её отвратительной полноте. Сейчас я смотрела на него новым, оценивающим взглядом и видела всю его наглость, неблагодарность и совершенное отсутствие хоть чего-то приличного.

Ах ты гад!

Ну я соберу тебе вещи. Замучаешься ловить, милый!

С этими мыслями я резко развернулась. Да так, что едва домашние пушистые тапки не разлетелись по углам, и отправилась в спальню.

Распахнула деревянные створки шкафа и начала вываливать на пол всё с его полок. Сама не заметила, как махом повыкидала все его шмотки в одну огромную разноцветную кучу. Полюбовалась секунду на дело рук своих и, распахнув балкон, схватила эту кучу в охапку и…

— Ты что творишь, ненормальная? — заорал Володенька позади, запоздало сообразив, чем пахнет дело.

Но было уже поздно.

Миг, и все его трусы, носки, рубашки, футболки и штаны полетели по ветру. Что-то украсило гирляндной деревья, что-то грибными полянками раскинулось на травке под балконами.

Я резко развернулась обратно и встретилась с взбешённым взглядом своего бывшего жениха.

— Что-то ещё собрать? — я улыбнулась своей коронной улыбочкой, от которой у всех мороз по коже был, когда я пребывала в таком состоянии. — Ты не стесняйся, говори. Я помогу!

— Идиотка! Как я это всё собирать теперь буду? — прорычал Володенька, у которого глазки красным наливались. — Ты за каким чёртом это вытворила, истеричка?

— Так ты же теперь не один, Вовочка, — всё также продолжала улыбаться я, скрестив руки на груди. — Ты свою Светочку попроси. Пусть помогает. Не всё же чужих женихов из семьи уводить, нужно и вот так ручками поработать.

— Это ты из ревности, да? — зло усмехнулся Володенька, обведя меня надменным оценивающим взглядом.

— Это я тебе ускорения придаю, чтобы ты побыстрее освободил мою квартиру. Здесь нет места предателям, изменщикам и лжецам!

Вот так, в одно мгновение закончилась моя семейная счастливая жизнь, так толком и не начавшись.

И после этого ужасного дня я месяц собирала себя по кусочкам. Вечерами, уткнувшись в подушку, переживала заново каждую секунду, и было ужасно больно. А ещё гадко и мерзко от того, как слепо я доверяла!

Особенно на работе, где уже на следующий же день каждая собака знала о том, что Владимир Звонков бросил свою невесту перед свадьбой и ушёл к молоденькой бухгалтерше с третьим размером груди, длинными белоснежными волосами, пухлыми губами, нарощенными ресницами и немного глуповатым взглядом.

Ну точнее, при каждом симпатичном или богатом мужчине у неё и появлялся этот глуповатый, наивный коровий взгляд.

Фу! Вот и как он мог с ней? Как мог меня променять на эту… Она же на каждого более-менее приличного мужика вешалась.

Я ведь знала, что она глаз на моего жениха положила. Мне ведь намекали на работе. Но… Я ведь думала, что Володя любит меня. Мы ведь к свадьбе готовились.

Глупая я. Если бы любил, то никогда бы так не сделал. Никогда бы не предал и не ушёл к другой!

Но самое тяжелое здесь было то, что мы все работали в одной фирме. Пусть и в огромной продуктовой сети. Пусть и в разных отделах. Я в снабжении, Звонков в оптовых продажах, а Светлана в бухгалтерии, но офис был один. И все друг друга знали. Все сплетничали и обгладывали… Точнее, перемывали мне косточки.

Кто-то сочувствовал, кто-то злорадствовал, а кто-то… Просто радовался своего рода веселью на работе.

Гадство!

— Доченька, ты что-то совсем бледненькая, — посетовала мама, с тихим звоном ставя передо мной чашку с отваром из каких-то душистых травок. — Вот попей. Полегче станет. Давно тебя тошнит уже, милая?

— Последние дня три, — вспомнив, как всё резко началось ночью и периодически продолжалось в виде моих побегов в уборную и того, как меня выворачивало наизнанку, ответила я. — Видимо что-то с организмом. Сначала думала, что отравление, но… Давно бы уже прошло.

— Думаю, доченька, что и правда это что-то с твоим организмом, — мама посмотрела на меня так, словно я должна была что-то важное понять по её многозначительному взгляду. Она чуть склонила голову набок, и в её глазах заплясали искорки какого-то тайного знания.

Но я не понимала, и мама, покачав головой, явно сетуя на туго соображающую дочь, подлила мне ещё отвара в чашку из своего маленького фарфорового чайничка.

— Так что со мной? — начиная нервничать, поторопила я маму с ответом. Тревога снова начала подниматься внутри.

— С тобой всё прекрасно, милая, — мягко, обволакивающе улыбнувшись, сказала она и присела напротив, накрыв мою руку своей теплой ладонью. — С тобой и с твоим малышом.

— С каким малышом? — дрожащим, севшим до шёпота голосом спросила я родительницу, чувствуя, как земля снова уходит из-под ног, но на этот раз по совершенно иной причине.

— Думаю, ты беременна, Ника!

Глава 2

Поправив футболку на своих кругленьких боках, я покрутилась перед зеркалом в тренажёрке.

Да, может, я и набрала немного в последнее время. Так не удивительно. Работы было через край. Я практически жила на ней, хватаясь за всё, чтобы только заработать побольше. Ведь мы же на свадьбу копили.

Я очень хотела и красивую церемонию, и пышное белоснежное платье. А стоило это всё удовольствие недёшево.

По этой самой причине я и работала в последние месяцы на износ, почти не замечая смены дней. Уходила, когда на улице ещё висела густая предрассветная темнота, и возвращалась, когда та же темнота уже смыкалась за окнами. Ела урывками, когда придётся и что придётся, и дико уставала.

Итог? Пришлось отменять забронированный ресторан, ведущего, фотографа и отменять бронь для фотосессии, выплатив неустойку за всё это.

А ещё за всем этим гонкой я совершенно забыла о себе. О себе, своём здоровье, внешнем виде и вообще обо всём, что делало меня женщиной.

Жениху, видимо, именно это и не понравилось — моя вечная усталость и домашняя одежда вместо платьев. Поэтому он быстро утешился в объятиях другой, той, у которой хватало времени и на ресницы, и на томные взгляды. А я…

Я собрала себя по маленьким очень острым осколкам, заставила пережить эту всю гадость, не замечать шепотки и косые взгляды на работе и жить дальше.

А ещё… Ещё мне нестерпимо захотелось наконец-то заняться собой!

Сделать всё для себя, любимой, а не для чьих-то чужих ожиданий. Сначала я сходила в спа, позволила рукам массажистки размять узелки напряжения, копившиеся месяцами. Затем отправилась к парикмахеру и вышла оттуда с новой стрижкой, которая удивительно освежила лицо. После — к косметологу, который поколдовал над моей уставшей кожей. А теперь вот пришла и в спортзал, твёрдо решив, что пусть я и дама в теле, но немного с боков и бёдер убрать всё-таки стоит.

И это благо, что мамино пророчество не сбылось!

Я не была беременна!

Вот этого мне не хватало для полного счастья. Быть беременной от предателя!

Нет, я хотела малышей. Очень хотела. Представляла, как буду качать на руках крошечный свёрток, вдыхать запах детской макушки… Но не так. Только не с тем, кто бросил тебя, ушёл к другой и напоследок назвал коровой.

Однако из-за маминых слов я едва не поседела. Её многозначительный взгляд и мягкое «думаю, ты беременна, Ника» запустили во мне панику такой силы, что я, кажется, забыла, как дышать. В тот же час я сорвалась в ближайшую аптеку, скупив едва ли не половину ассортимента тестов. Дома, трясущимися руками, проделала все манипуляции и с замиранием сердца ждала результата.

Одна полоска…

Одна.

Но на следующий день, всё ещё не доверяя бумажным полоскам, я записалась к гинекологу. Итог визита: я не была беременна. Со здоровьем всё в порядке. А тошнило меня… Либо всё же я чем-то травануласъ в той бесконечной рабочей гонке, либо это так со мной играли расшатанные нервы.

Не знаю. Да и не важно. Главное, что после маминых слов и всех этих переживаний меня разом отпустило. Выздоровела моментально!

— Девушка, — мелодичный голос администратора с ресепшена вырвал меня из облака воспоминаний, когда я вышла из раздевалки, вдыхая запах резиновых ковриков и железа. — Сейчас ваш тренер подойдёт. Подождите его у…

Но договорить она не успела.

— Малышева? — я резко обернулась на знакомый голос. — О, и правда ты, Ника!

Я замерла, не в силах отвести взгляд. Передо мной стоял просто потрясающе красивый, подтянутый, до невозможности накачанный молодой мужчина с загорелой до бронзы кожей и яркими, блестящими карими глазами. Я не могла поверить, что это Быков.

Серёжа Быков!

Мой бывший одноклассник, который в школьные годы был очень далёк от этой прекрасной, просто Аполлонской формы! Ну не то чтобы совсем уж недостижимо далёк. Приятным парнем он был всегда, но вот таких перекатывающихся стальных мышц, бугрившихся сейчас под тонкой тканью чёрной майки, у него точно не было.

— А ты… не изменилась, Ник, — усмехнулся Быков, окидывая меня долгим, изучающим взглядом, от которого почему-то стало жарко. — Всё такая же красотка. Хотя нет…

Вот тут меня прошибло холодным потом.

— Стала более женственной, — закончил Быков с мягкой, совершенно искренней улыбкой.

Боже… Я действительно не видела в его внимательном изучающем взгляде смешинок. Он не издевался. Он реально так думал.

Вот… Он думал, а мой бывший меня «коровой» обозвал и ушёл к бухгалтерше.

— И я рада тебя видеть, Серёжа, — выдохнула я, чувствуя, как губы невольно расползаются в ответной улыбке, а взгляд так и прилипает к его бицепсам. Я едва ли не слюной капала на свою ярко-жёлтую футболку. — А вот ты очень изменился. Стал… качком.

— Пауэрлифтером, — весело усмехнулся он и потёр широкие ладони друг о друга, бросив на меня цепкий, профессиональный взгляд. — И, похоже, твой тренер.

— Вот как? — удивлённо вскинула брови я.

— Ага, мастер спорта. Иду на мастера международного класса, — похвастался он и задорно подмигнул мне. — Так, а ты что хочешь? Форму подтянуть?

— Ну да. И похудеть немного, — зачем-то добавила я, чувствуя вдруг неловкость, и скрестила руки на груди, будто защищаясь от его проницательного взгляда.

— Подтянем, Малышева! Не дрейфь, — и вновь подмигнул. Ну вот правда Аполлон, сошедший с Олимпа в душный спортзал. Наверное, девицы к его ногам штабелями падают. Вон та же администраторша, которая минуту назад была сама любезность, теперь гипнотизирует его спину и даже не скрывает этого. — Сейчас мне анкету заполнишь, я после тебе программу пропишу. После взвешиваемся, замеряемся и на беговую дорожку для разогрева! Всё, идём, Ника!

Ну мы и пошли.

С анкетой проблем никаких не возникло как и со взвешиванием, где я просто зажмурилась и попросила не озвучивать цифру. Но вот когда он с гибким сантиметром в руках начал меня обмерять… Стало как-то невыносимо жарко.

Его горячие, уверенные пальцы замерли в миллиметрах от моей груди, когда он свёл концы сантиметра, и я перестала дышать. Затем лента обвила талию, и я ощутила щекотное прикосновение к самым чувствительным местам. После — бёдра, и я готова была провалиться сквозь резиновое покрытие пола.

А дальше я вообще уже не соображала — что-то отвечала невпопад, куда-то смотрела, лишь бы не на него.

Очнулась, только когда уже бежала на беговой дорожке, и тренажёр мерно гудел под ногами.

Магия какая-то, не иначе! Взрослая женщина, а как девчонка поплыла от одного прикосновения.

— Как почувствуешь, что сильно устала, снизишь скорость до пятёрки и ещё десять минут просто быстрым шагом иди, — раздался над ухом его голос, вырывая меня из транса. — А после меня найдёшь и дальше к тренажёрам пойдём. Всё поняла?

Я кивнула, не оборачиваясь, и бывший одноклассник, а теперь мой личный тренер, растворился где-то в лабиринте тренажёров.

Бежала я недолго. Всего несколько минут, и ноги начали предательски отказывать, лёгкие горели диким огнём, а перед глазами заплясали тёмные пятна. М-да-а-а-а, форму мне долго восстанавливать придётся. Давненько я не занималась, и организм честно об этом кричал.

Спустя десять минут ходьбы, когда пульс немного пришёл в норму, я отправилась на поиски тренера. И нашла его довольно быстро. Он стоял за раздевалками, почти у самого входа в зал.

Я не сразу поняла, что он с кем-то говорит. И тем более не сразу поняла, что разговор идёт на повышенных тонах. Настолько я утонула в своих мыслях и переживаниях о собственной неспортивной форме, что лишь его громкие, звенящие сталью слова вывели меня из этого состояния:

— Всё кончено, Кать! Хватит с меня этого всего!

Я резко остановилась, словно налетев на невидимую стену.

Меня поразили стальные, не терпящие возражений нотки в его голосе, так отличавшиеся от того шутливого тона, которым он говорил со мной. И смысл… Смысл этих слов ударил под дых.

Сама месяц назад прожила эти слова, прочувствовала их каждой клеточкой тела.

— Серёжа, ты опять издеваешься надо мной? — визгливо ответила ему девушка, и я наконец её разглядела. Стройная блондинка, очень похожая на ту самую бухгалтершу, к которой ушёл мой бывший жених: тот же тип внешности, те же длинные волосы, та же капризная складка у губ. — Сколько можно уже мне нервы мотать? А? Я ведь знаю, что ты меня ещё любишь! Так зачем это всё, а?

— Боже, Катя! Ты меня слышишь? — практически взвыл Быков и в отчаянии покачал головой. Так покачал, что резко замер, увидев краем глаза движение, а затем медленно, очень медленно повернул голову ко мне.

И вот в это самое мгновение я увидела, как в его непутёвой головушке зарождается одна не очень хорошая мысль. Вот совсем нехорошая.

Такая, которая мне точно не понравится!

Я испуганно сделала шаг назад, а на его лице появилась хищная улыбка.

— У меня вообще-то уже другая девушка, — повернулся он к вмиг замершей Катерине, что смотрела на него с неверием и закипающей злостью. А после он резко шагнул ко мне, сокращая расстояние в два широких шага, схватил за руку и сильно, но бережно дёрнул на себя.

Миг, и я практически упала в его объятия.

Миг, и…

Он впился в мои губы горячим, жадным поцелуем!

Глава 3

Меня накрыло состояние шока. Глубокого, всепоглощающего, непередаваемого шока!

Моё тело окаменело в одну секунду, а мозг… мозг просто отключился, словно кто-то невидимый щёлкнул рубильником, и сейчас пребывал в полнейшем ауте.

Ведь поверить в то, что произошло, было невероятно сложно!

Быков и я…

Он просто вот так взял и поцеловал меня!

Впился, как пиявка, и не отпускал, а я стояла столбом, вцепившись пальцами в воздух, забыв, как дышать.

Но стоило только схлынуть первой, ошеломляющей волне шока, как на её смену пришли иные чувства. Жаркие, острые, совершенно мне незнакомые.

Поцелуй бывшего одноклассника был таким горячим, таким требовательным и страстным…

Под его напором сами собой начали подкашиваться ноги, а где-то глубоко внутри, в самой сердцевине, начало плавиться что-то, что ещё месяц назад покрылось толстым слоем льда.

Холодного, колючего и казавшегося нерушимым, прочно сковавшего моё сердце.

Но вот сейчас эти горячие, умелые губы… Они попросту сметали всё на своём пути, как лавина!

Я… я просто растворилась в нём, в этих совершенно новых, щекотных ощущениях, которые разбегались от губ к затылку и дальше вниз по позвоночнику.

Никогда меня так никто не целовал!

Никогда не было ничего подобного. Такого, от чего земля уходит из-под ног, и мир сужается до точки касания.

Да я вообще всегда думала, что вот прямо такое, как в книжках пишут, только на страницах романтических историй и бывает. А в жизни — нет, не бывает.

Но как же я ошибалась!

Просто непростительно ошибалась!

Боже, да я теперь прекрасно понимаю ту истеричную девушку, что пыталась удержать Быкова. Ведь за такие поцелуи его можно было…

Так, нет! Вот это уже совершенно лишнее! Это мои мозги от такого количества тестостерона, страсти и искр между нами поплыли.

Я просто плавилась…

Плавилась в крепких, сильных, стальных объятиях…

И тут всё дивное, неожиданное волшебство прервал истеричный, пронзительный визг, полоснувший по ушам:

— Да как ты смеешь? Изменщик! Сволочь! Отпусти эту девку!

И всё… Последние искорки страсти, вспыхнувшей между нами, схлынули в один миг, оставив после себя бешено колотящееся где-то в горле сердце, пылающие щёки, припухшие, гудящие губы и сбитое, рваное дыхание.

Быков отстранился от меня, перестав терзать мои губы, но из своего коварного, медвежьего захвата не отпустил. Вместо этого он прижал меня к своему твёрдому боку и зафиксировал так профессионально, словно каждый день девушек обездвиживал, что я даже толком пошевелиться не могла.

Я даже крякнула от натуги, пытаясь вырваться, но тщетно. Его рука держала крепко, но без боли.

Вот и замерла я, как в тисках, под ненавидящим, испепеляющим взглядом истерички с такими длинными, тяжёлыми нарощенными ресницами, что она их, наверное, с трудом поднимала.

А ещё губы — неестественно накачанные, блестящие… И вся она казалась какой-то пластмассовой, словно её собрали по частям в салоне красоты. Когтищи как у Дракулы, яркий боевой раскрас на лице и пышная грудь размера третьего или даже четвёртого, что едва ли из глубокого разреза не выпрыгивала.

Вот, значит, чем она мне Светочку из бухгалтерии напоминает…

Ну точно! Их где-то на одном заводе таких выпускают. Даже партия, похоже, та же.

— Изменщик? — насмешливо переспросил Быков, всё также меня удерживая. — Ты серьёзно, Кать? Как я могу быть изменщиком, если мы с тобой расстались?

— Мы… Мы… — она тыкала в него своим длинным пальцем с ярко-розовым ногтем с блестяшками, что слишком уж сильно сияли в свете ламп над нами. Словно от дискошара кусок отодрала и себе на ноготь прилепила. — Гад ты! Сволочь и гад! Я столько тебе отдала! Столько на тебя потратила, а ты… Козёл!

— А что ты мне отдала? И что на меня потратила? Случаем, не лучшие ли годы? — явно забавляясь, переспросил он её, и в его голосе звучала неприкрытая ирония. — Если так, то мы с тобой всего полгода были вместе. Остальное ты кому-то другому отдала, Катюш.

— Неблагодарный! — взвыла она, но явно больше не нашла что сказать и чем упрекнуть, поэтому упёрла свой праведно-гневный взгляд в меня. Обвела мою фигуру с ног до головы, скривилась и брезгливо заявила. — И вот это, — здесь она подчеркнула это слово интонацией, — твоя девушка? Меня променять вот на это? На эту корову?

Гадкие, мерзкие слова больно резанули по незажившей, едва начавшей затягиваться ране. Я аж дёрнулась в захвате Сергея, и внутри всё сжалось до тошноты.

Опять это слово… Сколько можно?

— Катерина, следи за языком! — и столько льда сейчас было в голосе моего бывшего одноклассника, что им можно было замораживать всех врагов на месте. — Ника прекрасно выглядит. Она настоящая, а не кукольная и вся нарощенная. А я люблю настоящую красоту!

— Да пошёл ты со своим настоящим! — завизжала истеричка так, что эхо прокатилось по холлу, и, круто развернувшись на своих высоких каблуках, ринулась к выходу, едва не врезавшись в косяк стеклянной двери.

Мы встретились взглядом с администраторшей. С её ошарашенным взглядом и моим… Наверное, точно таким же.

Ну чувствовала я себя примерно так, как выглядела девушка на ресепшене, с вытянутым лицом, приоткрытым от полнейшего изумления ртом и глазами навыкате, как у окуня.

— Ника, я твой должник, — выдохнул Серёжа, наконец-то выпуская меня из своего медвежьего захвата.

Я сразу же отпрянула от этого громилы и машинально потёрла бок, который, кажется, слегка онемел. Словно меня к монолитной скале прижимали, а не к живому человеку. У него что, совсем нет ни грамма мягкости, одни сплошные стальные мышцы?

— Конкретный должник, Быков! — немного нервно, всё ещё пытаясь справиться с голосом, ответила я, чувствуя просто непередаваемую неловкость от всей этой дурацкой ситуации. — Я сильно пострадала.

— Прямо пострадала? — иронично спросил он, разглядывая меня. И вот было в его взгляде что-то…

Нет. Раньше точно не было. Это «что-то» появилось только сейчас.

После нашего поцелуя…

— Конечно, — уверенно заявила я. — Морально и физически!

— Вот даже как? — просто-таки умилился этот наглец, продолжая меня рассматривать.

По-новому.

Оценивающе.

Словно увидел впервые.

— Физически от тебя, а морально от твоей бывшей, — фыркнула я, задрав подбородок повыше, пытаясь изобразить безразличие и скрыть то, что сейчас творилось со мной на самом деле. То, какой шторм он поднял в моей душе и что продолжает твориться со мной рядом с этим мужчиной.

Боже…

Это же Быков. Мой бывший одноклассник!

Просто Серёжа Быков…

Да я даже представить никогда не могла, что у меня хоть малая доля возникнет того, что сейчас со мной творилось!

О, Боже…

Мне это совершенно не нравилось!

— Так и быть, Ника, — и голос такой у него с таинственной хрипотцой. Ух, аж до мурашек. Словно меня кто-то в ушко поцеловал, вызвав целый табун этих мурашек. — Я твой должник! И обещаю отработать всё по полной программе.

Ой, что-то мне совсем не нравится происходящее…

Совсем как-то не так всё идёт…

Я пришла просто потренироваться, а не вот это вот всё!

— Да-да, Быков, должник, — нервно улыбнулась я и рванула не хуже его Катеньки к ближайшему тренажёру.

А через час, всё такая же взбудораженная и нервная, я вышла из тренажёрного зала на свежий вечерний воздух.

Сердце бешено колотилось где-то в районе горла, перед глазами стоял Аполлон… Точнее, мой бывший одноклассник в тонкой чёрной маечке, что обтягивала его накачанную грудь, подчёркивала широкий разворот плеч и литые бицепсы…

Ой-ёй… Я оттянула влажную после душа футболку и несколько раз энергично махнула тканью, пытаясь остудиться. Легче не стало. Решила, что надо попробовать отвлечься аудиокнигой — хоть чем-то забить роящиеся в голове мысли. Достала наушники, разблокировала телефон и замерла.

Аудиокнига откладывается.

В рабочем чате была тьма сообщений.

И мне вот сразу это не понравилось.

Очень!

И я оказалась права.

Пролистав сообщения, я поймала себя на том, что пальцы начали дрожать и сердце вновь бешено колотилось в груди.

Но уже совершенно по другому поводу.

Резко выдохнув и заблокировав телефон, я выдохнула в пустоту улицы:

— Кажется, я знаю, одноклассничек, как ты мне долг будешь отдавать.

Глава 4

На небе уже тучи начали сгущаться, а мы с Быковым всё никак не могли договориться.

Он всё продолжал набивать себе цену с видом заправского торгаша на восточном базаре.

— Ты притворялась моей девушкой всего пару минут, а мне… — начал он уже по десятому кругу свою заунывную песню, сопровождая слова энергичной жестикуляцией.

— Боже, Быков! Да сколько уже можно-то! — вспыхнула я, чувствуя, как внутри закипает раздражение вперемешку с желанием рассмеяться. Я устала от этой бесконечной перепалки и от того, как он явно наслаждался процессом. — Говори уже прямо, без этих твоих театральных пауз, что ты хочешь?

— Смотри, Ника, — он подался чуть вперёд, переходя к делу с видом стратега, наконец-то готового огласить план битвы. — Ты притворялась моей девушкой пару минут, как уже сказал, а теперь я должен притворяться твоим парнем целых два дня!

Он загнул большой палец, затем указательный и продолжил, подняв третий для убедительности.

— Твой корпоратив на базе отдыха займёт все выходные. И вот свои законные выходные, которые я мог бы потратить на себя любимого, я должен провести в окружении твоих коллег, которые будут пялиться на нас, как на зверей в зоопарке.

— Да, задачу ты понял верно, молодец. Возьми с полки пирожок, Быков! — фыркнула я, скрещивая руки на груди и копируя его недавнюю позу. — Я тебя целоваться со мной не заставляю, между прочим, а просто прошу быть рядом. Максимум, может, пару раз приобнять меня за талию и сказать пару приятностей при моём бывшем с его белобрысой куропаткой. Вот и всё! Никаких непотребств.

— Ну нет, Малышева, так не пойдёт! — замотал головой этот профессиональный нервотрепатель. Его мокрые после душа волосы разлетелись в стороны. — Всё равно это все выходные с твоей компанией. Точнее, не с твоей, а, да чёрт… — он осёкся, запутавшись в падежах, отчего я не сдержала короткого смешка. — Ну, конкретно в твоей компании… Вот именно с тобой мне очень нравится, а вот твоя фирма — это совсем другой разговор.

— Ты такой чудесный собеседник, Серёжа. Сразу видно грамотную, чёткую речь и постановку мыслей, — наигранно восхитилась я, распахнув глаза в притворном восторге, после того как он запнулся и затроил.

— А ну-ка цыц, злыдня! — шутливо погрозил он мне пальцем, и в его глазах снова заплясали те самые опасные искорки. — Я тут, значит, распинаюсь перед тобой, открываю, можно сказать, душу, а ты не ценишь. Бессердечная ты женщина, Малышева!

— Да как не ценю-то, Быков? — я картинно прижала руку к груди. — Твои разговорные навыки может превзойти разве что твой пресс из кубиков. Вот он у тебя точно на высоте, слов нет.

Я усмехнулась и красноречиво скосила глаза к его животу, обтянутому влажной после душа футболкой. Футболка прилипла так, что можно было пересчитать все эти самые кубики, даже не раздевая.

— Показать? — приподнял бровь он и улыбнулся так, что у меня едва ноги не подкосились.

— Это угроза, Быков? — напряглась я, но тут же постаралась придать голосу наигранную сухость.

Наигранно, конечно.

Но что ещё ответить, чтобы не ударить в грязь лицом и не показать, как сильно на меня действует его близость?

— Говорю же, бессердечная! Для остальных это награда вообще-то, — буркнул он, сложив руки на груди, отчего бицепсы соблазнительно перекатились под кожей. Но вот в глазах всё ещё плясали чертята, выдавая его с головой.

Позёр!

— Значит, ты меня использовать будешь целых два дня, так ещё и обижать вздумала? — с притворным возмущением продолжил он и посмотрел на меня так душераздирающе-обиженно, что я не сдержалась и засмеялась в голос.

Использовать два дня?

Ох, Быков… Знал бы ты, что я…

Ох, нет! Не стоит о таком даже думать!

Не надо мне всё это!

Что-то с моими мозгами после расставания с бывшим женишком случилось. Явно случилось! БЕДА с головушкой, раз на Быкова реально заглядываюсь.

— Говори уже, вымогатель, что ты хочешь? — решила я вновь его подтолкнуть к главному, чтобы мы уже быстрее разобрались с условиями этой странной сделки.

— Чтобы ты ещё раз притворилась моей девушкой, — ошарашил он, и его голос внезапно упал на полтона ниже, став бархатным и обволакивающим.

Я замерла, в неверии глядя на бывшего одноклассника, а этот наглец придвинулся ближе, почти вплотную, и, обольстительно улыбнувшись, вкрадчиво, с обворожительной хрипотцой в голосе попросил, почти приказал:

— Притворись моей!

Стало жарко!

Очень и очень жарко!

По венам словно лава разлилась, и все внутренности превратились в кипящую магму.

Воздуха стало катастрофически не хватать, словно он выжег вокруг весь кислород.

Я медленно, как в замедленной съёмке, сделала шаг назад и плавно отодвинулась от Аполлона, в которого превратился угловатый школьный парень Серёжа Быков.

— За… — в горле резко пересохло, словно туда песка насыпали, и мне пришлось судорожно прокашляться, чтобы продолжить хоть сколько-нибудь твёрдым голосом. — Зачем тебе это, Быков?

— Понимаешь, — замялся внезапно тот, и я поняла. Поняла, что то, что он сейчас скажет, мне вот совершенно не понравится!

Так и оказалось.

— У меня на носу важнейшие соревнования, — начал он, отведя взгляд в сторону. — И мне нужно к ним спокойно готовиться, понимаешь? Я хочу взять МСКМ. А это очень серьёзно. Всё же международный класс. Но мне упорно не дают к этим соревнованиям готовиться.

— Кто не даёт? — удивилась я, представляя себе неведомых вредителей.

— Ну, одну ты уже успела увидеть и уже помогла мне с ней расправиться, — он коротко хохотнул.

— Это та визжащая и капающая ядом девица из тренажёрки? — усмехнулась я, вспоминая инкубаторную сестру булгатерши Светланы.

— Да-да. Милая девушка, правда? — ухмыльнулся этот наглец, и ухмылка эта была полна сарказма.

— Что ты вообще в ней нашёл? — покачала я головой, искренне не понимая.

От одного её визга голова могла лопнуть, как переспелый арбуз. А он вроде бы как полгода терпел этот цирк с истериками.

— Сись… Эм… — он осёкся, встретив мой уничижительный взгляд. — Доброе сердце у неё, — исправился он с совершенно невозмутимым лицом.

— И правда, — подхватила я с наигранным пафосом. — Это же сразу видно. В таком глубоком вырезе сложно это самое «доброе сердце» не заметить, знаешь ли.

— Язва, — констатировал он, но прозвучало это как комплимент, произнесённый с теплотой.

— А чем она тебе конкретно мешала?

— Своей неуёмностью, — тяжело вздохнул он, и было видно, что тема для него действительно наболевшая. — Постоянным желанием, чтобы я всё время был рядом с ней, и она с чего-то решила, что и бесконечные капризы её тоже должен я выполнять, как дрессированный пёсик.

— Хм. А когти она нарастила, чтобы угрожать можно было, если ты сопротивляешься? — вспомнив её маникюр, я поняла, что даже граф Дракула бы позавидовал. Ну, если бы он ещё любил дискошары, конечно же.

— Вот ты смеёшься, а у меня теперь психологическая травма на всю жизнь, — он картинно схватился за сердце. — Теперь искать жену буду только с обгрызанными ногтями. Это теперь мой главный критерий.

— Обязательно с обгрызанными? — я уже откровенно веселилась.

— Обязательно, Ника, обязательно! Зачем на пилочки тратиться, если зубы есть? — он подхватил мою игру с энтузиазмом. — Я вот всегда так делаю, и ничего. Видишь, какие красивые! — и продемонстрировал мне просто идеально ровные и чуть ли не отполированные ногти.

— Загляденье. Может, и мои погрызёшь, белочка?

— Это ты как-нибудь уж сама, — усмехнулся он. — Так вот второй моей проблемой является моя мама.

— Что, тоже себе такие когти отрастила и угрожает ими? — ужаснулась я, едва сдерживая смех, увидев, как его перекосило на секунду.

Явно представила такие когти у Светланы Викторовны. У его аристократичной мамы, которой она всегда на моей памяти была.

— Тьфу на тебя, Малышева! Не надо мне тут такие проклятия на семью кидать, — теперь ужаснулся он и такие глаза выпучил, что стал похож на возмущённого мопса.

— Так при чём здесь твоя мама? — покачав головой, решила вновь вернуться к насущному.

— Она меня просто уже извела, — в голосе Сергея прорезалась неподдельная тоска. — Со своими разговорами о жене, о внуках, которых мне «срочно надо, пока она ещё в силах понянчиться». Я с Катериной расстался, и всё только усугубилось. Она мне теперь каждый день с утра и до вечера плешь проедает звонками и сообщениями. А мне нужно сосредоточиться на соревнованиях, понимаешь? Я должен быть как стальной капкан, а я как выжатый лимон.

Он жаловался с таким искренним страданием, что даже я на миг прониклась.

— А ведь она эту Катю терпеть не могла, но вот когда я с ней расстался, стало почему-то ещё хуже.

— Подожди, — тут внезапно меня осенила главная мысль! — Я должна твоей девушкой притвориться перед твоей мамой?

— Ну да, — спокойно, словно речь шла о просьбе передать соль за ужином, пожал он плечами. — Да разок только, чего ты так завелась.

— Ты с ума сошёл, Быков?! — вспылила я, в ужасе глядя на него и чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Это же твоя мама! Я её с детства знаю! И вот так хладнокровно, нагло врать ей прямо в глаза?

— Ну это же всего один раз, Ника, — он сложил руки в умоляющем жесте. — Всего один раз, чтобы она отстала от меня хотя бы на время подготовки.

— А потом?

— А потом скажем, что расстались, и всё. Трагическая любовь, разбитые сердца, океан слёз, — отмахнулся он с такой лёгкостью, будто разыграть перед собственной матерью спектакль было для него обычным делом.

— Ты издеваешься? — я всё ещё не могла поверить в то, что слышу. — Ты думаешь, всё пройдёт вот так просто?

— Да. Она всегда к тебе хорошо относилась, — Сергей посерьёзнел, и из его голоса ушла вся наигранность. — Говорила, какая ты прекрасная девочка. Не раз тебя в пример ставила. Отличницу, хорошо воспитанную и всю такую правильную. Она сразу поверит. И сразу решит, что наконец-то её недотёпа-сын остепенился, и всё — лезть к нам точно не будет, чтобы не спугнуть!

И столько искренней уверенности было в его монологе, что я даже опешила.

— С чего ты всё это взял вообще? — только и смогла выдавить я.

— Ну ты и правда всегда такой была, — как ни в чём не бывало пожал он плечами. — И на таких, как ты, Ника, женятся, а не просто время проводят.

— Ладно… Ладно… — вздохнула я после продолжительного молчания и попытки обдумать все его слова.

Но было странно слышать, что на таких, как я, женятся, а не просто время проводят… А ведь когда-то что-то похожее мне и бывший жених сказал. Вот как предложение сделал. Примерно тогда и сказал.

— Предположим, что мы скажем твоей маме, что мы вместе. А дальше что? Ну когда ты свой класс возьмёшь? Что дальше? Просто скажем, что расстались, и всё? Не думаешь, что она будет изводить тебя ещё больше?

— Ну, во-первых, мне важнее всего сейчас нормально подготовиться к соревнованиям, — начал он загибать пальцы, — а во-вторых…

Он весело усмехнулся и бросил на меня многозначительный взгляд, от которого внутри всё перевернулось.

— Скажу, что ты мне сердце разбила, и мне нужно время, чтобы собрать его обратно по кусочкам. Буду ходить с трагичным лицом, вздыхать, может, пару раз пущу слезу для убедительности. Мама точно отстанет — побоится сыпать соль на открытую рану.

Я смотрела на своего бывшего одноклассника в полном шоке, смешанном с невольным восторгом.

Ну нет, какой паяц!

— Соглашайся, Ника, — подмигнув мне и понизив голос до чувственного шёпота, он голосом заправского искусителя продолжил, сокращая последние сантиметры между нами. — Тебе понравится, обещаю!

Я задохнулась от возмущения и… чего-то ещё, гораздо более опасного и волнующего.

А он наклонился к самому моему уху, так что я почувствовала его горячее дыхание на своей коже, и с придыханием, полным горячих, непроизносимых вслух обещаний, прошептал:

— Я ведь тогда буду весь твой на целых два дня!

Глава 5

Гад, сволочь и обманщик!

Быков обещал мне, что понравится?

Ну так вот! Это наглый, бессовестный обман, за который надо привлекать к ответственности по всей строгости закона!

Мне совершенно ничего не нравилось!

Ни подготовка к этому дурацкому ужину с его мамой, который с каждой минутой всё больше напоминал мне подготовку к эшафоту. Ни та мелкая, противная нервозность, что поселилась где-то под ложечкой и противно ныла при мысли о том, как я буду сидеть и врать этой прекрасной, интеллигентной женщине, глядя ей в глаза. Ни чёртово платье, которое я уже битый час не могла найти ни в одном магазине, будто все дизайнеры мира сговорились против меня лично!

Платья на кого нынче шьют? Только на азиаток? Низеньких, тоненьких, с фигурами, напоминающими едва держащимися на ветру тростинками.

А на меня, на нормальную женщину с формами, с грудью и бёдрами, где сшивают эти бесформенные палатки из тюли?

В подвалах Тайвани?

С чего эти ребята решили, что будет прекрасно смотреться глянцево-лиловый балахон, если им обернуть всю меня, как новогодний подарок, и прилепить ещё кружев на горле, чтобы я точно задохнулась?

Или что будет стильно смотреться рыбацкая сетка поверх ярко-жёлтой юбки, а сверху пришить обтягивающий топ и тоже с рюшами — очевидно, чтобы создать ощущение полного модного коллапса?

Или, может, розовый блин нынче привлекателен и моден? Ну а зачем тогда сделали платье широкое в середине и зауженное сверху и снизу колокольчиком? Чтобы я была похожа на оживший зефир?

Нет, ну издевательство же полное!

Кто вообще такое носит?

Зачем весь этот кошмар шьют?

Только ткань переводят.

А ещё мои нервы трепят!

Я ходила из одного магазина в другой, как заведёная, с надеждой переступая порог очередного магазина и с разочарованием его покидая. Пыталась найти хоть что-то подходящее для ужина в приличном ресторане, но всё было тщетно.

У меня же ничего подходящего не было в гардеробе. Мы с Владимиром уже давно никуда не ходили. Всё работа и работа, бесконечная гонка за деньгами на красивую жизнь, которая так и не случилась. Максимум просто гуляли в парке или выезжали на озеро. Даже в кафе редко забегали по дороге, наспех перекусывая чем-то безвкусным.

Скукота, а не жизнь, если вспомнить.

Наверное, давно уже между нами всё прошло. Все будни превратились в рутину. Серую и безликую.

Может поэтому он и рванул к этой Светлане? К яркой и бросающейся в глаза девице?

Может…

Не знаю уже.

Но я же ни к кому в объятия не кинулась.

Не смогла бы. Вот так, будучи в отношениях с другим… Пойти на предательство?

Нет, не моё это.

Я бы просто рассталась и всё тут.

Наверное, надо было расстаться.

Но я даже и не думала об этом. Просто жила. Точнее выживала, постоянно пропадая на работе, пытаясь накопить денег, приготовить, убраться… А больше ни на что сил и не хватало.

Даже своё любимое рисование давно забросила. Мольберт пылился в углу, кисти засохли, а краски, наверное, затвердели в тюбиках.

А ведь душа просит, скребёт изнутри, напоминает о себе тихим, но настойчивым зовом.

Нет, так нельзя!

Нужно основательно браться за свою жизнь. Один поход в спа, к парикмахеру и в тренажёрный зал не изменят мою жизнь.

Надо регулярно! Надо привыкать жить и для себя тоже. Надо не забывать о себе, любить себя и заботиться о себе.

Нет, я не говорю, что только для себя всё. Нет. Я про то, что нельзя полностью растворяться в рутине или в другом человеке. Жить ради чего-то или кого-то, забывая о собственных желаниях и мечтах. Нужно жить для себя!

Иначе что это за жизнь вообще?

Вот мне такое не понравилось. Пожила и не понравилось.

Хорошо, что бывший жених ушёл. Очень хорошо!

Он мне, так сказать, глаза открыл. Дал вздохнуть свободно. Дал понять эту разницу.

И ведь хорошо, что сейчас, а не через тридцать лет, например.

А раз так, то нечего на себе любимой и экономить.

Уж платье нормальное я могу себе позволить. Ведь деньги-то остались с несостоявшейся свадьбы. Да, что-то потеряла. Там, где пришлось платить неустойки, но основная часть при мне.

Нет, я не растранжирю всё на шмотки. Буду дальше копить на обнову более серьёзную. На машину хорошую, например.

Но и платье уж могу купить. Не в дешёвых магазинах, а в хорошем бутике.

Вот туда я и отправилась и уже через двадцать минут выходила из торгового центра с бумажным пакетом в руках и коробкой под мышкой, в которой лежали идеальные туфельки.

Да, оставила я немало. Очень даже. Но вот в этих вещах выглядела я действительно шикарно! Очень стильно, ярко и в тоже время утончённо.

А не глянцевым шатром с китайского рынка.

Ещё через четыре часа я медленно, но уверенно подходила к ресторану. Одному из самых дорогих в городе, между прочим.

У Быкова отличный вкус.

Ну или у его мамы. Что скорее всего. Она дама такая. Знает себе цену.

Вот у неё и стоит поучиться себя любить и тоже себе цену-то знать.

— Здравствуйте. Столик на имя Сергея Быкова, — обратилась я к миловидной девушке у ресепшена.

— Доброго вечера. Мы рады видеть вас в “Туманном Альбионе”. Вас уже ожидают. Прошу за мной, — улыбнулась она и повела меня за собой в зал.

И вот тут вся моя уверенность в себе как-то подрастерялась.

С каждым шагом я чувствовала, что идея была просто отвратно!

Что нужно бежать отсюда со всех ног!

Моя интуиция резко начала кричать, что пора сбегать и чем быстрее, тем лучше!

И я даже дёрнулась уже, но…

— Милая, наконец-то ты пришла! — раздался громкий, радостный голос Быкова на весь ресторан, заставив вздрогнуть и меня, и парочку за соседними столиками.

Девушка-администратор ещё раз понимающе улыбнулась мне и быстро испарилась, а ко мне уже спешил, буквально выскочив из-за стола, Быков.

В белоснежной рубашке, расстёгнутой ровно настолько, чтобы выглядеть стильно, но не вульгарно, и в синих брюках, что обтягивали его накачанные ноги при каждом широком шаге. А о рубашке вообще не стоит и говорить — она смотрелась на этом Аполлоне просто… Ну, лучше модели для этой вещи было не найти.

Он словно с глянцевой обложки мужского журнала сошёл и сразу прямиком ко мне.

Я даже отшатнулась от такого счастья великого, инстинктивно подавшись назад. Ну, или от плотоядной улыбки Быкова. Тут как посмотреть.

Я сразу вспомнила, в чём явилась. Своё нежно-бежевое платье, что идеально село по фигуре, мягко обозначив талию, красиво выделив круглые бёдра и пышную грудь. И даже ноги это чудо портновского искусства каким-то неведомым образом зрительно удлинило. Ну, и туфельки на каблуках, конечно же, добавили свои заветные сантиметры к росту и уверенности.

— Ника, ты просто великолепна! — и он смотрел на меня с таким восхищением, что я и правда ему поверила.

Да, я сама признавала, что выглядела очень хорошо, но… Всё же от красивого мужчины слышать такое и видеть восхищение в его глазах это… Вот это настоящий комплимент и лучшая похвала.

Быков приблизился, нежно обнял меня, словно я резко превратилась в хрустальную вазу и также нежно поцеловал меня.

Для разнообразия в этот раз в щёчку.

— Мама, ну ты с моей избранницей уже знакома. Это моя Ника, — представил меня Быков сидящей напротив даме.

Светлана Викторовна обомлела и широко распахнутыми глазами смотрела то на меня, то переводила свой ошарашенный взгляд на сына, а затем вновь на меня.

— Ника… — прошептала она, поднимаясь.

И тут на весь ресторан раздался грозный голос уже моей мамы:

— Так вот кто отец моего будущего внука!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.